

Михаил Горбачев: «Мы должны сделать все, чтобы общество шло по пути демократии»

Сегодня Горбачев-Фонд и Общество «Мемориал» — объединили усилия для того, чтобы провести круглый стол, посвященный одному из самых сложных и трагических периодов нашей истории.

Жизнь идет, она ставит новые вопросы, но до сих пор продолжаются дискуссии об Октябрьской революции: была это революция или переворот, народная революция или заговор? Идут дискуссии о периоде сталинского руководства

Чем ближе мы к крупным политическим событиям, какими являются выборы в Думу, а потом президентские выборы, тем более обостряются эти вопросы и проблемы — и опять идут дискуссии.

Оказывается, уже выстроена новая историческая сетка: Сталин и его заслуги — это «золотой век», Хрущев — это утопия, Брежнев — это продолжение «золотого века», поскольку то был уже неосталинизм. Даже Юрию Владимировичу Андропову досталось все-таки место. Период Перестройки и Горбачев — исчезают, но появляются в другом ряду. Все это происходит в реальном контексте — и не случайно. Поэтому разбираться в давних и недавних исторических событиях оказывается полезно и необходимо. Тем более, что вступают в жизнь новые поколения. Даже те, кому 40 лет, и кто сегодня уже министры, мало знают об истории по-настоящему. А те, кому 30 лет, 20 лет — это поколения, которые нуждается в том, чтобы более старшие все-таки почувствовали свою ответственность. Поэтому в названии нашей конференции «ответственность» поставлено рядом со словом «память». Память — то, что сохраняет или не сохраняет общество, ибо память — это преемственность, память — это уважение ко всему тому, что происходит на этой земле. И вместе с тем память — это уроки.

Нельзя жить в настоящем или выстраивать далеко идущие планы на будущее, если болезнь беспамятства поражает страну, общество или же отдельные слои народа. Но из уроков того или иного времени, из предшествующего, одновременно, рождается ответственность.

Думаю, что сегодня мы должны говорить серьезно и ответственно. Когда-то Ленин в одной из своих дореволюционных работ писал, что пролетариат через демократию завоевывает власть и через демократию управляет страной. По-моему, это очень четкая формула и, в общем, жизнь и мировой опыт подтверждают ее. В России сложилась другая ситуация — еще до революции появилось понятие о революционном государстве и ставка на диктатуру пролетариата. Конечно, здесь ни о какой демократии не может быть речи.

Все попытки сказать, что верхушка сотворила «Октябрьский переворот» нелепы: вся литература того времени показывает, что это было народное движение. Но когда произошел разгон Учредительного собрания, в котором у большевиков было около 20–24 процентов, а все остальные, особенно эсеры, имели больше — произошел, конечно, полный отказ от той формулы, которую выдвинуло большевистское руководство накануне революции. С этого началось, потом произошел разрыв с эсерами, потом всё то, что

расколото страну, привело к интервенции, началу гражданской войны и Военному коммунизму. Но удивительно, что через четыре года (еще не закончилась гражданская война), в 1921 году Ленин говорит, что мы пошли не тем путем, и что необходима коренная перемена точки зрения на социализм. Результатом этого теоретического и политического анализа стал НЭП — сначала как временная мера, как отступление. Ленина обвиняют в предательстве социализма и предательстве пролетариата. Несколько человек из его ближайшего окружения кончают жизнь самоубийством, разочаровавшись в своем вожде. Это была драматическая ситуация. Тем не менее, под давлением восстания в Кронштадте и крестьянских восстаний, против которых пришлось применять военную силу, Ленин идет на НЭП, а через некоторое время добавляет, что это всерьез и надолго.

Это, по моему мнению, смягчает ответственность Ленина за те промахи, просчеты, которые были допущены, ибо вряд ли кто-либо другой кроме самого Ленина мог бы продвинуть такую линию. Самое удивительное, что к 1926 году мы вышли на уровень 1913 года, потому что и частная инициатива, и личная инициатива, и частная собственность, и начавшиеся демократические процессы — всё это было налицо, меняло ситуацию и могло привести к возрождению страны.

Когда Ленин ушел, началась, колоссальная драка за власть в руководстве и в партии. Одна за другой сменялись дискуссии — «разборки», если использовать сегодняшний термин — и все закончилось победой Сталина и его узкой группы. Сталин включал в борьбу своих противников и делал их своими союзниками. Через некоторое время их постигала одна и та же трагическая судьба. Это было драматическое, тяжелое, страшное время. 1927 год — опять крестьяне и опять хлебозаготовки. У Сталина после его поездки в Сибирь возникает разочарование в НЭПе — и начинается борьба с НЭПом. В интересах индустриализации, которую необходимо было пробежать, а не пройти, понадобилась идея коллективизации. Кстати, большинство этих идей принадлежало Троцкому, и впервые им было высказано.

В конце концов, мы на тридцать лет получили тоталитарное общество, тоталитарный режим с монополией на власть одной партии и со всеми атрибутами, которые включает это понятие.

Здесь, конечно, возникает вопрос, над которым мы бились в годы перестройки, когда возвращались к реабилитации, прекращенной в брежневские времена. Если, так или иначе, были реализованы идеи индустриализации и коллективизация, и кулаков-бедняг разметали по всему свету, а многих просто истребили — казалось бы, должно было наступить время спокойного творческого созидания. Так все и думали, но оказалось, что эта ситуация не устраивала, прежде всего, лично Сталина и, конечно, ближайшее окружение, которое с ним было до конца, до самой его смерти. Завязка той ситуации произошла на XVII съезде победителей (в 1934 году), когда очень многие проголосовали против Сталина, которому, конечно, обо всем доложили. Я думаю, в этой логике — смерть Кирова, борьба со старыми большевиками — с теми, кто входил в окружение Ленина. Постепенно все делегаты Съезда были или репрессированы, или расстреляны.

Потом надо было избавиться от исполнителей и свидетелей. И так это «кровавое колесо» вращалось.

Я приводил статистику на Пленуме Центрального Комитета партии в 1987 году. По сути дела, старые большевики были постепенно истреблены. В конце концов, остался один Сталин. Даже будучи членами Политбюро, многие не знали так же, как и я, всю историю этого вопроса. Была комиссия Шверника во времена Хрущева, были собраны и написаны материалы, но никто о них не знал, они были спрятаны. В годы Перестройки мы эти материалы открыли. Они изобличали Сталина и группу приближенных к нему лиц, в первую очередь, Жданова, Молотова, Ворошилова, Кагановича. Мы видели бумаги, резолюции на списках, телеграммы.

Во время Большого террора удар нанесен был по Партии, ибо кадры истреблялись сверху донизу. Удар был нанесен по армии: все прогрессивно мыслящие и особенно независимые, самостоятельные начальники были оттеснены, а потом истреблены. Из 40 комкоров ни одного не осталось в живых. Дошла очередь до интеллигенции.

Был нанесен колоссальный удар по той части общества, которая могла взять на себя дальнейшие процессы социалистического строительства. У нас были основания сказать тогда, в докладе к 70летию Октябрьской революции, что Сталин виновен во всех этих делах. Мы возобновили работу Комиссии по реабилитации. Она много сделала. Читать ее документы полезно, но тяжело. Очень тяжело. Это документы середины 80х годов — по 1991й год, а потом они обрываются.

Если следить сейчас за прессой, за манифестациями, движениями, видишь, что имя и портреты Сталина плывут чередой. Оказывается, мы не только не избавились от сталинизма, но его не «по каплям», а «стаканами», «ведрами» надо еще выдавливать из нашего общества. И самое главное, что в этот поток вошли молодые люди: то, что сохраняется у предшествующих поколений, восприняла молодежь. Многие поддерживают то, что связано со Сталиным. Мы должны помнить людей, которые пострадали, потому что это урок для всех нас, и, как оказывается, урок не усвоенный многими.

Не думал, что сегодня скажу об этом — но скажу еще раз о судьбе моих дедов-крестьян, которые из бедняков стали середняками, получив землю от Советской власти. Один из них (отец отца) в колхоз не пошел — остался единоличником. 1933 г. — голод, из шестерых детей умирает трое. Деда за невыполнение плана посевов отправляют в Сибирь.

Дед по линии матери был заряжен прогрессивными взглядами. С фронта вернулся — и создавал коммуны, ТОЗы, а потом коллективизацию проводил. Настолько выдвинулся и развил свои способности (человек очень авторитетный был), что его утвердили заведующим РайЗО. (Тот, кто более-менее историю знает, помнит, что на селе это был главный орган в те годы, кроме, конечно, райкома партии. Ясно, что главными органами во все периоды Советской власти были партийные органы, где я проработал 50 лет). Деда «за связь с троцкистами» арестовывают, репрессируют, приговаривают к расстрелу. Но время подходит к 1938 г. — началу 1939 г., когда стали выбираться из этой пропасти. Дальше — мартовский Пленум 1938 г. и другие, статья Сталина: уже понимают,

что надо как-то завершать эту эпоху, хотя она так и не завершилась до самой смерти Сталина.

Копия Дела лежит у меня дома как напоминание, что я должен не забывать, что к чему. В заключении по Делу написано, что не понятно, зачем арестовывали, репрессировали, и не понятно, за что сидел. Признание из деда выбивали пытками: ему не в чем было признаваться, он ни в чем не признался. Мне шел уже девятый год, когда дед вернулся. Вся семья сидела за столом, когда он рассказал это. Больше он к этому никогда не возвращался.

На меня произвело впечатление, что дед постоянно говорил: Советская власть — это наша власть. Она нас спасла от гибели; дала землю и т.д.; Сталин ничего не знал, это всё местные органы делали. Теперь я, его внук, знаю, сколько подписей и резолюций этим красным кровавым карандашом написано. Как Сталин сам, лично руководил процессами: какие вопросы задать, что сделать и т.д.

Мне думается, мы должны сделать все, чтобы общество шло по пути демократии, свободы прессы. Это не значит, что пресса должна быть бесконтрольной. Это не значит, что демократия — вседозволенность. Демократия — это то, что уже состоялось в демократических странах — и такой она должна быть. Например, в Германии сейчас идет борьба между полицией и определенными группами — но всё развивается в рамках демократического процесса. Власть имеет право защищать общество от беспорядков, которые ему угрожают, но нельзя допустить отторжения демократии, выведения власти из-под контроля общества, отстранения людей от обсуждения важнейших вопросов.

Всем нам надо иметь в виду, что за демократию надо страдать, надо поддерживать ее и продолжать идти демократическим путем.